

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Э. А. Камалов, Э. Д. Понарин

Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства¹

КАМАЛОВ Эмиль Альфредович — кандидат философских наук, стажёр-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. Адрес: Россия, 192171, г. Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

Email: em.kamalov@gmail.com

Миграция — важная и актуальная проблема современного мира. Многие страны сталкиваются с проблемами интеграции мигрантов и их адаптацией к новым условиям жизни. Одним из показателей степени интеграции и адаптации мигрантов является уровень их субъективного благополучия, которое обычно определяется теми же факторами, что и благополучие других людей, — хорошее здоровье, высокая зарплата, наличие работы и молодость делают мигранта более счастливым. Тем не менее при принятии решения о переезде в другую страну мигранты часто руководствуются только экономическими мотивами и недооценивают ценность неэкономических характеристик принимающих стран и регионов. В данной работе мы пытаемся определить, в какой степени экономическое благополучие регионов России (валовой региональный продукт) и социальный капитал, размещённый в них (среднее доверие и количество мигрантов-соотечественников), влияют на удовлетворённость жизнью мигрантов. Кроме того, мы проверяем, оказывает ли воздействие на благополучие мигранта факт вступления страны исхода в Таможенный союз (ТС) — позже ставший частью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), — наделяющее мигрантов теми же трудовыми правами, которыми обладают граждане РФ. Для ответа на поставленные вопросы используются данные Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics, RLMS-HSE). Основным методом анализа является кросс-классифицированная многоуровневая линейная регрессия. Результаты анализа демонстрируют, что уровень экономического развития региона не оказывает независимого влияния на удовлетворённость жизнью мигрантов. Более важными для субъективного благополучия мигрантов оказываются социальные факторы: эффект среднего доверия и количества мигрантов-соотечественников в регионе положителен и статистически значим. Также обнаружено, что факт вступления страны исхода мигранта в ТС оказывает положительный и статистически значимый эффект на уровень удовлетворённости жизнью. Мы связываем данный эффект с уменьшением экономических и психологических издержек миграции.

Ключевые слова: миграция; субъективное благополучие; субъективное благополучие мигрантов; факторы субъективного благополучия; удовлетворённость жизнью; социальный капитал; РМЭЗ НИУ ВШЭ; регионы России.

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

ПОНАРИН Эдуард Дмитриевич — PhD, заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований; профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. Адрес: Россия, 192171, г. Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

Email: eponarin@hse.ru

Введение

Миграция является важной и актуальной проблемой современного мира. Почти все страны в той или иной степени оказываются проницаемыми для миграционных потоков и проблем, с ними связанных. Миграционный кризис в Европе демонстрирует сложности с интеграцией мигрантов, их адаптацией, а также противоречивую реакцию граждан принимающих стран. Согласно Международной организации по миграции (МОМ), в мире насчитывается 257 млн мигрантов — 3,4% населения Земли [United Nations... 2017]. Наша работа посвящена анализу факторов субъективного благополучия мигрантов.

Субъективное благополучие (*subjective well-being*) — концепция, пришедшая в социальные науки из позитивной психологии; включает когнитивный и аффективный компоненты [Diener, Suh, Oishi 1997]. Удовлетворённость жизнью, как принято считать, отражает когнитивный аспект субъективного благополучия, тогда как счастье — аффективный [Gundelach, Kreiner 2004; Venhoven 2008; Gamble, Gärling 2011]. Исследователи обращаются как к категории «счастье», так и к категории «удовлетворённость жизнью» в зависимости от того, какие инструменты для оценки субъективного благополучия мигрантов оказываются доступны. Отражая разные стороны субъективного благополучия, счастье и удовлетворённость жизнью вместе с тем демонстрируют высокую положительную корреляцию: до 0,7 [Gundelach, Kreiner 2004]. Хотя иногда наблюдаются интересные расхождения [Foa et al. 2018].

Субъективное благополучие мигрантов, измеряемое как счастье или как удовлетворённость жизнью, часто зависит от тех же факторов, что и субъективное благополучие остальных людей. Большая часть различий в показателях субъективного благополучия объясняется личностными характеристиками или наследственностью [Headey, Wearing 1989; Lucas 2008; Gureev et al. 2018]. Ещё один хорошо изученный фактор благополучия — доход [Inglehart 1990; Clark 2006; Venhoven 2008], который положительно ассоциирован с субъективным благополучием, хотя при определённых условиях эффект оказывается незначительным [Clark, Frijters, Shields 2007]. Положительный эффект на субъективное благополучие имеет наличие работы и удовлетворённость ею [Judge, Klinger 2008]. Резкие изменения в жизни индивида, такие как получение желаемой должности (увольнение), увеличение (уменьшение) зарплаты, свадьба (развод), могут производить сильные положительные (негативные) эффекты на счастье [Clark 2003; Lucas et al. 2003; Di Tella, Haisken-De New, MacCulloch 2010]. Такие характеристики, как пол и здоровье, также статистически значимы для субъективного благополучия людей [Okun et al. 1984]. Немаловажные предикторы — образование и уровень религиозности, которые могут воздействовать на благополучие как прямо (влияя на когнитивную составляющую благополучия), так и косвенно (через увеличение дохода и социального капитала) [Helliwell 2003; Myers 2008]. Наличие друзей, семьи, размер социального капитала, доверие в стране, уровень безопасности и экономического благополучия также являются значимыми социальными факторами субъективного благополучия [Helliwell, Putnam 2004].

Очевидно, что факторы, воздействующие на людей в целом, релевантны и для мигрантов. В последние 10 лет опубликовано немало работ, посвящённых исследованию факторов субъективного благополучия мигрантов и их особенностям. Не оставили без внимания эту тему и такие крупные социологи, как Р. Патнем и Р. Венховен [Helliwell, Putnam 2004; Hendriks, Ludwigs, Veenhoven 2016]. Д. Бартрам, автор наиболее цитируемой статьи в журнале «Migration Studies», приходит к выводу, что при сравнении мигрантов с теми, кто решил остаться, нет оснований утверждать, что миграция значительно увеличивает субъективное благополучие [Bartram 2013]. М. Хендрикс на основе анализа 44 публикаций по теме делает следующие выводы [Hendriks 2015]: (1) мигранты могут стать более счастливыми после миграции, но это зависит от конкретных потоков; (2) показатели счастья мигрантов редко достигают уровней, характерных для граждан принимающей страны. Различия в уровне субъективного благополучия между мигрантами и немигрантами объясняются меньшим социальным капиталом, которым обладают мигранты, менее социализирующим досугом, а также дискриминацией [Safi 2010; Hendriks, Ludwigs, Veenhoven 2016; Tegegne, Glanville 2019].

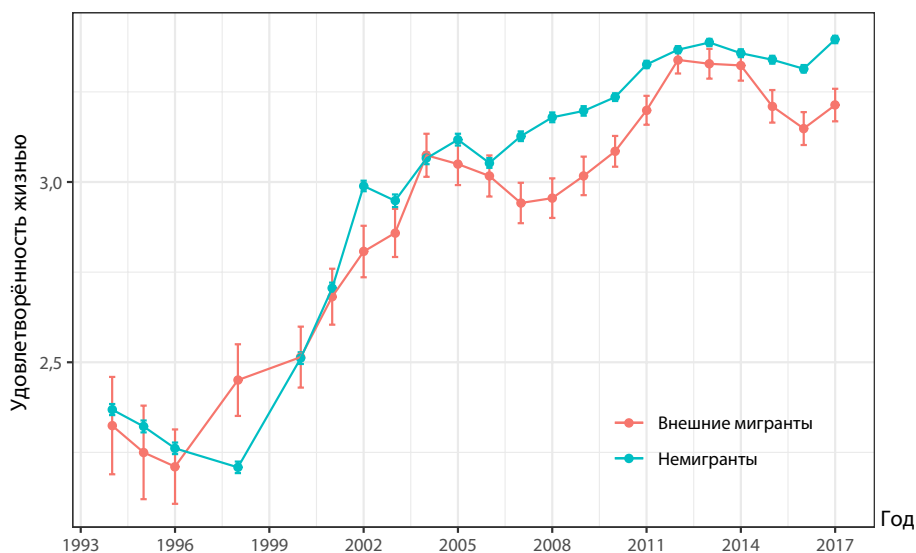
Сами мигранты могут продолжать верить, что повышение дохода увеличит их субъективное благополучие, однако такая позиция зачастую оказывается ошибочной из-за неточных прогнозов, неоптимальных убеждений и решений [Hendriks, Bartram 2016]. Несмотря на то что средний уровень счастья выше в принимающих странах, это вовсе не означает, что и мигрант будет здесь более счастливым: незнание языка, непризнанные документы об образовании, предвзятость работодателей приводят к снижению социального статуса мигранта при переезде. В результате до половины мигрантов жалеют о своём решении мигрировать [Stimson, Minnery 1998; Aksel et al. 2007]. Одно из исследований свидетельствует о том, что миграция приводит к уменьшению постмиграционной удовлетворённости по всем измерениям [De Jong, Chamrathirong, Tran 2002]. Анализ панельных данных, произведённый Б. Новоком и его соавторами, демонстрирует, что прирост счастья наблюдается лишь в короткое время сразу после миграции, вследствие возвращения значений субъективного благополучия к нормальному домиграционному уровню [Nowok et al. 2013]. Из сказанного видно, что решение о миграции часто оказывается неоптимальным для увеличения показателей субъективного благополучия.

В последнее время особое внимание в публикациях уделяется социетальным факторам субъективного благополучия мигрантов, таким как социальный капитал, уровень безработицы, валовой внутренний продукт, особенности законодательства в сфере миграции и т. п. По мнению исследователей, мигранты могут быть более счастливы в одной стране и менее счастливы в другой, часто переоценивают значение дохода (в особенности трудовые мигранты, для которых увеличение дохода является одной из ключевых целей) и недооценивают нематериальные блага, такие, например, как доверие к другим людям [Hendriks, Bartram 2016].

Существует незначительное количество работ по благополучию жителей России. Например, одно из наиболее ранних исследований показало, что основным фактором субъективного благополучия студентов в России является удовлетворённость досугом [Balatsky, Diener 1993]. Также было продемонстрировано, что приверженность к разным видам ценностей может играть существенную роль в субъективном благополучии россиян [Foa et al. 2018]. Согласно имеющимся данным (RLMS-HSE), мигранты в России оказываются менее удовлетворёнными своей жизнью, чем местные жители (см. рис. 1). Несмотря на существующее различие, а также масштабы миграции², проблема благополучия мигрантов в России не привлекла значительного внимания исследователей. Нам удалось обнаружить лишь работу Н. В. Усовой, выводы которой основаны на выборке (опрос 58 мигрантов и 62 коренных жителей России), не позволяющей провести комплексный статистический анализ факторов субъективного благополучия мигрантов [Усова 2012].

² Россия входит в число стран с наиболее высокой численностью мигрантов [United Nations... 2016].

Данная работа призвана заполнить существующий пробел в названной области знания. Мы сосредоточимся на определении эффектов влияния таких региональных показателей, как валовой региональный продукт (ВРП), количество мигрантов-соотечественников, уровень среднерегионального доверия в регионе. Кроме этого, попытаемся установить эффект влияния миграционного законодательства на субъективное благополучие мигрантов.

Рис. 1. Удовлетворённость жизнью мигрантов и немигрантов по годам (данные RLMS-HSE)

Статья организована следующим образом: в первом разделе формулируются и теоретически обосновываются гипотезы о роли социетальных факторов в субъективном благополучии мигрантов; во втором описываются использованные данные и операционализируются понятия; в третьем разделе формулируется методологический инструментарий, необходимый для тестирования гипотез; в четвёртом разделе представлены результаты исследования. Завершается статья обсуждением полученных результатов, заключением и описанием основных ограничений исследования.

Социетальные факторы субъективного благополучия мигрантов

Экономические факторы

Как отмечалось выше, доходы являются универсальным фактором субъективного благополучия, несмотря на то что эффект размера дохода оказывается нелинейным и в некоторых случаях статистически незначимым. Экономические теории миграции предсказывают более высокий интерес мигрантов к странам с более высокими показателями ВВП, с меньшей инфляцией и меньшим уровнем безработицы. Согласно неоклассической экономической теории миграции, один из основных «притягивающих» (*pull*) факторов миграции — возможность получения повышенного дохода в стране назначения [Harris, Todaro 1970]. Важными индикаторами такой возможности являются различия в размерах ВВП и среднего уровня зарплат в стране исхода и стране назначения. В свою очередь, новая экономическая теория миграции подчёркивает значение не столько разницы зарплат, сколько самой возможности получения работы в стране, чья экономика отличается от страны пребывания [Stark, Bloom 1985]. Домохозяйства принимают решение о миграции одного или нескольких своих членов, чтобы минимизировать риски, связанные с нестабильной ситуацией в родной стране. Как мы видим, для этой теории неравенство зарплат между страной исхода и страной назначения — необязательное условие миграции, так как большее значение имеет сама возможность получения работы. В зависимости от того, в каком регионе оказался мигрант, его шансы на удачное трудоустройство будут отличаться. В этом смысле уровень

безработицы в принимающей стране может служить важным индикатором такой возможности [Di Tella, MacCulloch, Oswald 2000].

Согласно социоэкологическому подходу [Oishi, Graham 2010] макроэкономические факторы и структуры способны влиять на эмоции и поведение индивидов. Один из механизмов состоит в том, что уровень экономического благополучия страны или региона может свидетельствовать об уровне развития трудовых стандартов (условий труда и трудовых прав), развитость которых оказывает положительное воздействие на субъективное благополучие трудящихся. В то же время низкие показатели экономического благополучия в стране или регионе могут уменьшать удовлетворённость работой из-за увеличивающейся нагрузки, а также сокращающихся трудовых возможностей [Tau, Harter 2013]. Из сказанного следует, что уровень экономического развития страны или региона может быть положительно связан с удовлетворённостью жизнью.

Экономическое благополучие региона может быть и отрицательно связано с субъективным благополучием в силу относительной депривации — после переезда мигранты попадают в страну, где их доходы, как правило, ниже доходов местного населения. Однако, как показывают исследования, вновь прибывшие мигранты склонны сравнивать свои доходы с доходами референтной группы в стране исхода, а не в принимающей стране [Hendriks, Bartram 2016]. В целом, несмотря на то что влияние экономических характеристик страны ограничено в силу эффекта адаптации и социального сравнения, они тем не менее оказывают положительное воздействие на благополучие мигрантов [Hendriks, Bartram 2016]. Действительно, согласно моделям такой показатель экономического благополучия страны, как медианный доход, положительно связан со счастьем. В связи со сказанным сформулируем следующую гипотезу относительно влияния экономического благополучия региона:

Гипотеза 1 (H 1). Чем выше уровень валового регионального продукта (ВРП), тем выше субъективное благополучие мигранта.

Социальный капитал

Основными измерениями социального капитала, согласно Дж. Коулману, являются доверие, социальные сети и нормы [Coleman 1988]. Высокий уровень доверия ассоциирован с более высоким уровнем благополучия [Helliwell 2003; Helliwell, Putnam 2004]. Применительно к мигрантам высокий уровень доверия в обществе может означать более благожелательное отношение к незнакомцам и мигрантам со стороны основного населения, а также меньшее количество как физических, так и эмоциональных усилий мигрантов при трудоустройстве и поиске места проживания, меньший страх преследований и т. д. Доверие к семье или членам сообщества в некоторых случаях оказывается даже более значимым предиктором субъективного благополучия мигрантов, чем человеческий и экономический капиталы [Wagner 2014]. Доверие может иметь косвенный эффект на субъективное благополучие. Так, на основе данных Европейского социального опроса (The European Social Survey — ESS) были сделаны выводы о том, что высокое общее доверие делает людей менее чувствительными к враждебности со стороны других [Helliwell, Huang, Wang 2016]. Согласно этому исследованию, влияние дискриминации, плохого здоровья и безработицы на субъективное благополучие существенно ниже в обществах с высоким уровнем доверия. В этом смысле доверие воздействует на субъективное благополучие за счёт снижения эффекта других факторов. Оно также может увеличить благополучие мигранта через воздействие экономических факторов, так как в обществах с более высоким доверием выше показатели экономической производительности [Knack, Keefer 1997].

В связи с этим мы можем сформулировать следующую гипотезу:

Гипотеза 2 (H 2). Чем выше уровень доверия в регионе, тем выше субъективное благополучие мигранта.

Миграция зависит от социальных сетей — от ещё одного из измерений социального капитала, отмеченных Коулманом, — связывающих новых мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов в стране исхода и в стране назначения. Подобные сети увеличивают вероятность миграции, поскольку снижают издержки на получение информации, упрощают поиск работы, способствуют быстрой адаптации мигранта к новым условиям [Aguilera, Massey 2003]. Социальные сети являются ресурсом, потому что предоставляют информацию и социальную поддержку. Мигранты, имеющие связи, могут избежать долгого и неэффективного поиска информации о подходящей работе и сразу занять позицию на стабильной, доступной, достойно оплачиваемой и легальной работе [Aguilera, Massey 2003; Garip 2008]. Социальные сети также способствуют передаче важной информации: как презентовать себя работодателю; как искать работу; какую зарплату просить; каких видов работы избегать. При этом сообщества мигрантов в принимающей стране организуют различные общественные мероприятия, благодаря которым мигранты информируют друг друга о новых возможностях для трудоустройства [Aguilera, Massey 2003]. Как информация, так и прямая помощь при размещении, транспортировке и поиске работы могут снижать ожидаемые издержки миграции, в конечном счёте стимулировать её.

Таким образом, социальные сети сильно воздействуют на возможность трудоустройства мигранта и величину его заработной платы. В то же время сети эмоционально и социально поддерживают вновь прибывших мигрантов, которые лишаются своих прежних связей [De Jong, Chamrathirong, Tran 2002; Mitra 2010; Liu et al. 2017].

Согласно мнению ряда авторов [Frisbie, Neidert, Neidert 1977; Tienda, Lii 1987], количество мигрантов в стране может быть ассоциировано с дискриминацией. Дело в том, что чем больше мигрантов, тем более они заметны и тем выше ощущаемая угроза со стороны коренного населения. Об этой негативной стороне миграционных сетей говорит и К. Манши: по его мнению, несмотря на выгоды социальных сетей, они бывают и бременем для включённых в них участников [Munshi 2003]. Сети оказывают сильное давление на индивида, принуждая его поддерживать стабильность сети и следовать особым поведенческим паттернам, оставаться на той же низкоквалифицированной работе, которая традиционна в данном окружении. Это является хорошим объяснением того, почему мигранты длительное время сохраняют специализацию в низкоквалифицированных отраслях [Munshi 2003]. В целом предполагается, что соединяющие (*bridging*) сети снабжают мигрантов новой информацией, создают благоприятные связи, предоставляют новые возможности, увеличивают социальную мобильность [Nannestad, Svendsen, Svendsen 2008]. Сплачивающие (*bonding*) же сети, напротив, могут приводить к геттизации, худшим условиям работы и специализации в определённых экономических отраслях [Ryan et al. 2008].

Применительно к проблеме, поставленной в данной статье, можно предположить, что количество мигрантов-соотечественников в регионе служит индикатором размера сети, качества предоставляемой ею инфраструктуры и заметности мигрантов для населения. В связи с этим сформулируем следующие альтернативные гипотезы:

Гипотеза 3а (H 3а). Чем больше в регионе проживания мигранта его соотечественников, тем выше субъективное благополучие мигранта.

Гипотеза 3б (H 3б). Чем больше в регионе проживания мигранта его соотечественников, тем ниже субъективное благополучие мигранта.

Юридические факторы

Известно, что чем выше степень изолированности мигранта из жизни общества принимающей страны, тем ниже его удовлетворённость жизнью [Berry et al. 2006; Verkuyten 2008]. В этом смысле наличие рабочей интеграционной политики в принимающей стране может быть важным фактором субъективного благополучия мигранта. Согласно Дж. Рейтцу, интеграция мигранта зависит от интеграционного режима [Reitz 2002], который формально создаётся законами и правительственными программами и неформально — отношением основного населения к мигрантам.

Законы и программы формируют объективные условия интеграции в виде наличия прав и свобод, социальной поддержки, которыми принимающее общество наделяет мигранта [Hadjaj, Backes 2013]. Например, законы о натурализации создают условия получения гражданства, в свою очередь, приобретение гражданства теоретически должно быть положительно ассоциировано с благополучием [Koczan 2013]. Тем не менее редкие исследования по этой теме не подтверждают эту теорию. Так, З. Козан на данных Германской социально-экономической панели показал, что изменение законов о гражданстве — при контроле других параметров (в том числе особенностей личности) — не оказывает значимого влияния, потому что мигранты, получающие гражданство, сильно отличаются от мигрантов, не получающих гражданство [Koczan 2013].

В других исследованиях тестируется гипотеза о том, что миграционное законодательство, устанавливающее особую систему отбора мигрантов, способствует привлечению мигрантов с особыми качествами, которые, в свою очередь, влияют на то, насколько мигрант экономически интегрирован [Tubergen, Maas, Flap 2004]. В этом смысле законы могут регулировать состав миграционного потока в разные годы или в разных странах и вместе с тем оказывать влияние на благополучие мигрантов.

Миграционные законы России релевантны теме благополучия мигрантов по нескольким причинам. Во-первых, они определяют издержки миграции, то есть количество ресурсов, которые мигранты должны расходовать, чтобы оставаться в принимающей стране. Во-вторых, они определяют количество легализованных мигрантов. Легализация мигрантов ассоциирована с такими улучшениями качества их жизни, как доступ к официальной системе здравоохранения, отсутствие страха перед органами надзора, лучшие условия труда [Ivakhnyuk 2009]. В-третьих, они определяют степень законодательного давления на нелегальных мигрантов и риск быть депортированным.

Можно сказать, что миграционное законодательство РФ представляет собой особый случай. Оно подвергалось значительным изменениям в течение последних 25 лет. Выделяют следующие периоды и поворотные точки в развитии законодательства РФ [Ivakhnyuk 2009; Kubal 2016; Варшавер, Рочева, Иванова 2017]:

- 1992–1995 гг.: становление законодательства;
- 1996–2001 гг.: расширение и углубление законодательной базы;
- 2002–2005 гг.: делиберализация законодательства; усиление контроля за миграцией и её ограничение;
- 2006 г. и далее — начало либерализации законодательства:
  - 2010–2015 гг.: введение дополнительной квотной системы и соответствующее упрощение легализации;

- 2014 г.: введение правила «90 на 180»³;
- 2015 г.: отмена рабочих разрешений для мигрантов из стран бывшего СССР и расширение квотной системы на большинство рынков.

В 2010 г. Казахстан и Белоруссия вступили в Таможенный союз (ТС) с Россией, и мигранты из этих стран были освобождены от необходимости получать патент. Кроме этого, документы об образовании, полученные в данных странах, стали автоматически признаваться в РФ. В целом рабочие из стран ТС были приравнены в правах к российским рабочим. Позже ТС стал частью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который вошли Армения и Киргизия (в 2014 и 2015 гг. соответственно), а мигранты получили права такие же, как и у других стран — участников ТС ЕАЭС. Таким образом, мигранты из стран ТС оказались освобождены от многих аспектов миграционного законодательства РФ, тогда как мигранты, чьи страны не вошли в ТС, по-прежнему испытывали влияние миграционного законодательства РФ, включая необходимость получения патентов на работу, прохождения языковых экзаменов и т. п. Полагаем, что разница в уровнях субъективного благополучия между этими двумя группами мигрантов может отражать эффект миграционного законодательства, в особенности той его части, в которой регламентируются условия легального проживания и работы мигрантов на территории РФ. В связи с этим сформулируем следующую гипотезу:

Гипотеза 4 (H 4). Вступление страны исхода мигранта в ТС связано с увеличением его субъективного благополучия.

Данные

Основным источником данных для анализа является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics, RLMS-HSE)⁴, который содержит наблюдения за 1994–2017 гг. Важная особенность RLMS-HSE — его панельный характер: один и тот же индивид, если он не переехал за пределы региона, опрашивается каждый год на протяжении всех волн. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как значительное количество вариаций в благополучии определяется личностными особенностями индивида. Статистический анализ панельных данных RLMS-HSE с использованием многоуровневого регрессионного моделирования позволяет учесть влияние особенностей личности.

Кто такие внешние мигранты? Часто к внешним мигрантам относят тех, кто прибыл в Россию из стран бывшего СССР как до, так и после 1991 г. Однако такой подход имеет свои изъяны [Абылкаликов 2016]. Согласно Е. Ю. Поляковой и Л. И. Смирных, передвижения в пределах СССР были сопряжены с меньшими издержками, чем переезд из стран бывшего СССР в Россию [Полякова, Смирных 2016]. Более низкие издержки были связаны с отсутствием необходимости в визе, загранпаспорте, а также с признанием образования, обеспечивающего более лёгкий доступ на рынки труда. В связи с этим внешними мигрантами мы признаем тех респондентов, которые, во-первых, родились за пределами России, во-вторых, переехали в Россию после 1991 г.

Для выявления таких мигрантов мы использовали следующие вопросы:

³ Правило, согласно которому иностранные граждане могут находиться на территории РФ не более 90 из 180 дней.

⁴ Проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

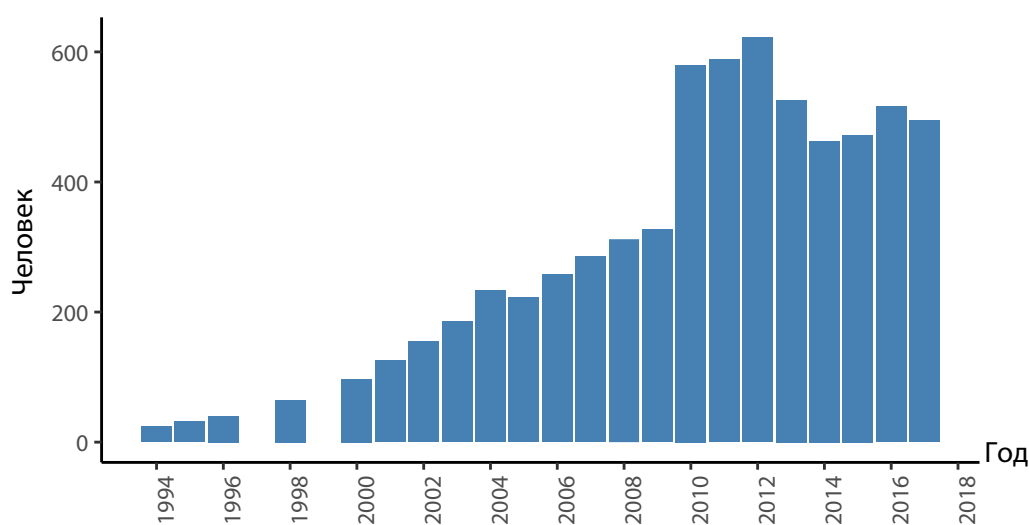

1. «В какой республике бывшего СССР Вы родились?» (вопрос I2 по кодбуку RLMS-HSE);
2. «С какого года Вы постоянно живёте в Российской Федерации?» (вопрос I8 по кодбуку RLMS-HSE);
3. «Как давно Вы постоянно живёте в Российской Федерации?» (вопрос J69.10 по кодбуку RLMS-HSE).

В ответах на данные вопросы часто можно встретить противоречия. Например, в некоторых случаях респондент указывал год прибытия позже года самого опроса. Таких случаев обнаружено 24, они были исключены из анализа. Кроме этого, один и тот же мигрант мог отвечать на вопросы по-разному, при этом, судя по опросу, такие мигранты не покидали страну вновь после первого прибытия, так как участвовали непрерывно в последующих опросах. Таких наблюдений по вопросу I8 обнаружено 602, а по вопросу J69.10 — 303. Также не все лица, определённые как мигранты, постоянно указывают страну исхода (вопрос I2). Таких случаев обнаружено 489. Данные ответы были обработаны следующим образом:

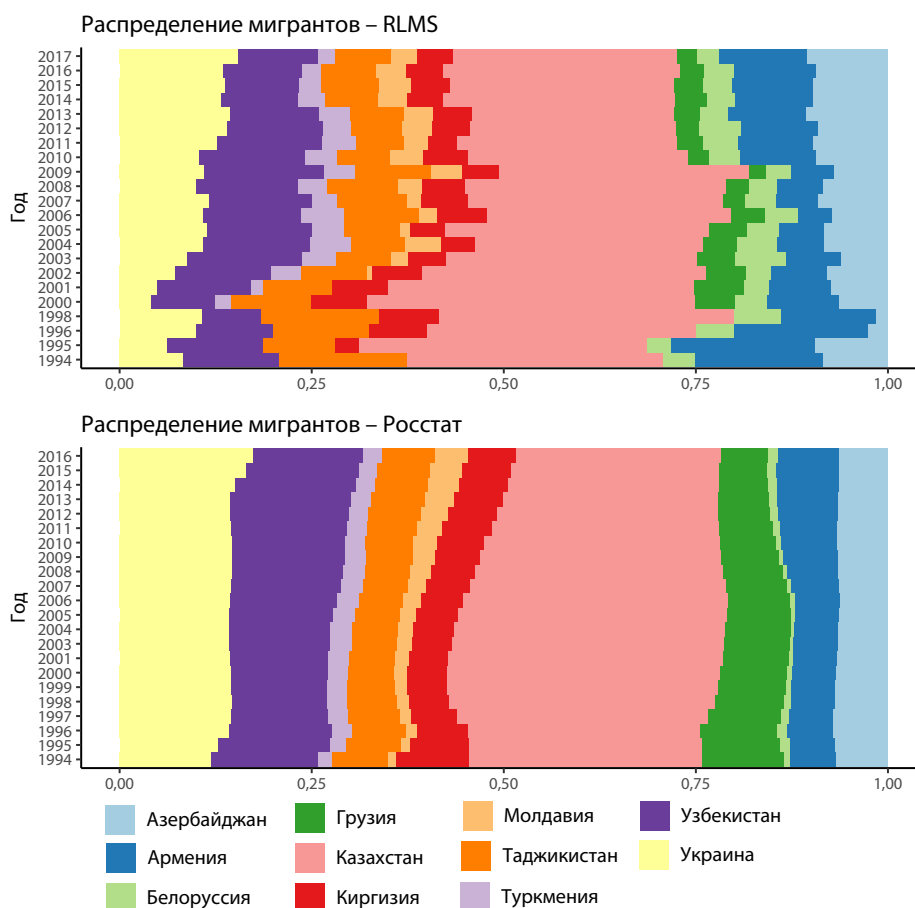
- годом прибытия признавалась мода ответов — в тех случаях, в которых её возможно было однозначно определить;
- в иных случаях ответом на вопрос признавался тот, который респондент дал в наиболее ранней волне опроса RLMS-HSE, так как чем ближе респондент по времени к событию, тем больше оснований доверять его памяти.

Итоговая выборка мигрантов в RLMS-HSE составила 6649 человек в возрасте 18 лет и старше, прибывших из стран СНГ и Балтии в Россию после 1991 г. (см. рис. 2). Из них уникальных индивидов — 1270 человек. Стоит отметить, что репрезентативность выборки мигрантов в RLMS-HSE была проанализирована в работе Е. Ю. Поляковой и Л. И. Смирных [Полякова, Смирных 2016]. Согласно их анализу, существуют риски смещения выборки, которые тем не менее либо незначительны, либо трудно оценимы. В целом процентное соотношение мигрантов к общему количеству населения в RLMS-HSE за 2010 г. почти полностью совпадает с данными переписи населения в 2010 г. [Полякова, Смирных 2016]. На рисунке 3 приведены данные о прибывших после 1993 г. мигрантах по странам исхода за различные годы. На графике видно, что в целом выборка RLMS-HSE повторяет данные официальной статистики с некоторыми aberrациями. Можно сказать, что RLMS-HSE хорошо репрезентирует мигрантов по странам исхода.

Примечание: по горизонтали — год проведения опроса; по вертикали — количество респондентов, закодированных как мигранты.

Рис. 2. Количество наблюдений мигрантов по годам в RLMS-HSE

Примечание: по горизонтали — доля мигрантов из определённой страны в общем потоке мигрантов из стран СНГ; по вертикали — годы регистрации Росстатом (нижний график) и годы проведения опроса RLMS (верхний график).

Рис. 3. Распределение мигрантов, прибывших в Россию после 1993 г. из стран бывшего СССР

Зависимая переменная

Удовлетворённость жизнью: для оценки субъективного благополучия мы используем показатель удовлетворённости жизнью, который является когнитивной частью концепции субъективного благополучия. Систематически сопоставить когнитивную и аффективную составляющие субъективного благополучия на данных RLMS-HSE не представляется возможным, так как вопросы о счастье (аффективном компоненте) задавались значительно реже. RLMS-HSE предлагает пятифакторную шкалу ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» Этот вопрос задавался практически во всех волнах исследования. Данная переменная, по существу, является порядковой, однако была перекодирована нами в интервальную («Совсем не удовлетворены» = 1; «Полностью удовлетворены» = 5) в связи со следующими причинами: во-первых, это позволяет использовать подходящие многоуровневые линейные методы; во-вторых, облегчает интерпретацию полученных коэффициентов; в-третьих, не противоречит конвенциям социальных наук, в которых порядковые показатели субъективного благополучия часто используются в качестве интервальных; в-четвёртых, это не оказывает существенного влияния на полученные оценки [Ferrer-i Carbonell, Frijters 2004].

Независимые переменные

Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (в ценах 2017 г.): данные были получены путём индексации показателей ВРП, предоставленных Росстатом, на индекс потребительских цен⁵. В целях интерпретации в представленных ниже моделях данный показатель перекодирован в 100 тысяч рублей на душу населения.

Средний уровень доверия в регионах: показатель был рассчитан на основе данных RLMS-HSE. Для этих целей ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?» — были интерпретированы как интервальные значения, в которых 3 = «Большинству людей можно доверять»; 2 = «И то, и другое в зависимости от человека, условий»; 1 = «В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным». В рамках RLMS-HSE такой вопрос задавался только в волнах 2006, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 и 2017 гг.

Мигрант из страны, входящей в ТС: дамми-переменная, принимающая значение 1, если мигрант исходит из страны, которая на момент опроса является членом ТС, и 0, если иное. Соответственно мигрантам из Казахстана и Белоруссии присвоено значение 1 с 2010 г. и в последующие годы, а мигрантам из Армении и Киргизии — с 2014 и 2015 гг. соответственно. Количество наблюдений мигрантов старше 17 лет, чьи страны вошли в ТС, 1610, из других стран — 5012.

Количество мигрантов-соотечественников: общее количество мигрантов в регионе, которые являются выходцами из той же страны, что и анализируемый мигрант, и прибыли после 1993 г. Показатель был рассчитан на основе статистики о миграционном приросте, которая ведётся с 1993 г. Росстатом (см.: fedstat.ru и gks.ru). Описательная статистика приведена в таблицах приложения (см. табл. П.1, П.2). В целях интерпретации и нормализации показатели количества мигрантов были переведены в промилле по отношению к численности населения в регионе (данные Росстата).

Контрольные переменные

Доход: выше было показано, что размер зарплаты является значимым фактором для мигрантов. В моделях используется логарифмированный доход в прожиточных минимумах, который получен путём деления дохода индивида на региональный прожиточный минимум за соответствующий год.

Пол: мужчины часто демонстрируют более высокие показатели благополучия, чем женщины [Helliwell, Putnam 2004].

Возраст: индивиды моложе 24 и старше 55 лет имеют значимо более высокие показатели субъективного благополучия в сравнении с индивидами в возрасте 24–55 лет [Helliwell 2003; Helliwell, Putnam 2004].

Здоровье: сильный предиктор благополучия [Helliwell, Putnam 2004]. Изменение на 1% показателя здоровья ассоциировано с 1% изменения показателя благополучия в ту же сторону. Связь может быть нелинейной с более сильным эффектом для нижних показателей здоровья [Helliwell 2003].

Образование: значимый предиктор [Helliwell, Putnam 2004], хотя некоторые исследователи демонстрируют отсутствие эффекта образования на благополучие [Kogan, Shen, Siegert 2017].

⁵ Регионы в RLMS-HSE были перекодированы для сопоставления с региональными данными. Так, «Алтайский край, Бийск и Бийский район» и «Алтайский край, Курьинский район» в RLMS-HSE обозначены как два отдельных региона; в данных же Росстата представлен только один регион «Алтайский край». Соответственно, в результате такой перекодировки количество уникальных регионов уменьшилось с 40 до 33.

Трудовой статус: для мигрантов возможность трудоустройства — одна из важнейших причин переезда. В целом отсутствие работы независимо от того, является ли индивид мигрантом или нет, может оказывать более сильный эффект, чем, например, развод [Clark, Oswald 1994].

Доверие: высокий уровень доверия индивида к другим ассоциирован с более высоким уровнем субъективного благополучия [Helliwell 2003]. Доверие к семье или членам сообщества в некоторых случаях оказывается более значимым предиктором, чем человеческий и экономический капиталы [Wagner 2014].

Этничность: может являться основанием для дискриминации в принимающем обществе, поэтому бывает связана с более низкими показателями субъективного благополучия [Safi 2010].

Количество лет пребывания в стране: известно, что чем дольше мигрант находится в стране, тем выше степень его интегрированности и адаптации, поэтому уровень удовлетворённости жизнью таких мигрантов может быть выше [Bartram 2013].

Следует отметить: *гипотеза 4* предполагает, что вступление страны исхода в ТС уменьшает законодательные издержки для мигрантов, так как они приравниваются в трудовых правах к российским гражданам. Однако на мигрантов, которые уже являются гражданами Российской Федерации, изменения в сфере миграционного законодательства не могут оказывать прямого воздействия. К сожалению, в RLMS-HSE нет вопроса о гражданстве респондента, поэтому в данном исследовании проконтролировать эффект гражданства не представляется возможным.

Полный список переменных и описательная статистика приведены в приложении (см. табл. П.2).

Методы

Основной метод анализа данных — кросс-классифицированная многоуровневая линейная регрессия. Данный вид регрессии оказывается наиболее оптимальным для моделирования имеющихся панельных и кросс-классифицированных данных [Snijders, Bosker 1991]. На рисунке 4 видно, что каждое наблюдение может быть частью разных не вложенных друг в друга групп. Например, Индивид № 1, опрошенный в 2004 г., и Индивид № 1, опрошенный в 2005 г. (обозначаемые i), может быть частью более высокой группы — Индивид № 1 за все годы (обозначаемой j). В то же время Индивид № 1 в 2004 г. может принадлежать к иной группе — Регион № 1 в 2004 г. (обозначаемый k), который принадлежит более высокой группе — Регион № 1 за все годы (обозначаемый m).

Для учёта влияния сети мигрантов из той же страны, что и мигрант, была создана переменная «Страна-Исход/Регион-назначения», отражающая принадлежность мигранта к группе соотечественников в регионе проживания (например, «Казахи в Москве»). Для удобства далее мы будем обозначать данную группу как сеть мигрантов-соотечественников в регионе.

На рисунке 5 видно, что все единичные наблюдения, помимо того, что они включены в описанные выше группы, относятся к сетям мигрантов-соотечественников в регионе за определённый год (обозначаемый l), которые принадлежат к сети мигрантов-соотечественников за все годы (обозначаемый p).

Кросс-классифицированная многоуровневая регрессия позволяет учесть описанную многоуровневую кластеризацию данных [Snijders, Bosker 1991]. Кроме того, использование данного вида регрессии даёт возможность объяснить вариацию субъективного благополучия, применяя предикторы второго уровня (ВРП, уровень доверия в регионе и т. п.), и в этом смысле проверить гипотезы, сформулирован-

ные в этой статье, чего нельзя было бы сделать с помощью регрессии с фиксированными эффектами. Посмотрим, как выглядит применяемая в работе модель.

Первый уровень:

$$Y_{ijklp} = \beta_{oj} + \beta_{okm} + \beta_{olp} + \beta_1 * X_{ijklp} + R_{ijklp}$$

где Y_{ijklp} — удовлетворённость жизнью i наблюдения j индивида, в регионе-годе k , в регионе m , в сети-мигрантов-соотечественников-в-регионе-годе l и в сети-мигрантов-соотечественников-в-регионе p ;

X_{ijklp} — предикторы индивидуального уровня, варьирующиеся для каждого индивида, такие как доход, здоровье, возраст и т. п., описанные в таблице П.2 приложения;

β_1 — оценки эффектов предикторов внутрииндивидуального уровня (*within person effects*);

R_{ijklp} — необъяснённый остаток на первом уровне;

β_{oj} , β_{okm} и β_{olp} — варьирующиеся свободные члены, отражающие кластеризованность наблюдений по j индивидам, km регионам-годам и lp сетям-мигрантов-соотечественников-годам соответственно, объясняемые уравнениями второго уровня:

$$\beta_{oj} = \delta_{oo} + \delta_{(j)01} * Z_j + U_{oj},$$

$$\beta_{okm} = \delta_{oom} + \delta_{(m)01} * Z_{km} + U_{okm},$$

$$\beta_{olp} = \delta_{oop} + \delta_{(p)01} * Z_{lp} + U_{olp},$$

где Z_j — предикторы, постоянные для конкретного индивида j . Таким предиктором может быть, например, образование — в случае, если оно не меняется от года в год для j индивида;

Z_{km} — предикторы уровня регион-год (ВРП, средний уровень доверия);

Z_{lp} — количество мигрантов-соотечественников в регионе за год;

$\delta_{(j)01}$, $\delta_{(m)01}$ и $\delta_{(p)01}$ — оценки эффектов предикторов второго уровня, необходимых для тестирования поставленных гипотез;

U_{oj} , U_{okm} , U_{olp} — необъяснённый остаток на втором уровне;

δ_{oom} и δ_{oop} — свободные члены, варьирующиеся по m регионам p сетям-мигрантов-соотечественников-в-регионе, моделируемые следующими уравнениями третьего уровня:

$$\delta_{oom} = \gamma_{(m)ooo} + V_{oom},$$

$$\delta_{oop} = \gamma_{(p)ooo} + V_{oop},$$

где $\gamma_{(m)ooo}$, $\gamma_{(p)ooo}$ — фиксированные свободные члены на третьем уровне;

V_{oom} , V_{oop} — необъяснённый остаток на третьем уровне.

Для тестирования гипотезы 4 мы используем иную модель. Поскольку для её проверки нам нет необходимости объяснять вариацию по регионам или странам исхода, в данной модели эти эффекты фиксированы. В то же время, поскольку данные всё ещё лонгитюдные, а все наблюдения кластеризованы в индивидах, которые обладают постоянными атрибутами, модель имеет два уровня: (1) индивид-год и (2) индивид за все годы.

Первый уровень:

$$Y_{ij} = \beta_{oj} + \beta_1 * X_{ij} + \beta_2 * Reg_{ij} + \beta_3 * Orig_{ij} + R_{ij},$$

где Y_{ij} — удовлетворённость жизнью i наблюдения j индивида;
 X_{ij} — предикторы индивидуального уровня, варьирующиеся для каждого индивида, среди которых доход, возраст, а также факт вступления страны исхода мигранта в ТС;
 Reg_{ij} и $Orig_{ij}$ — фиктивные переменные, отражающие принадлежность индивида к определённым региону и стране исхода;
 β_1, β_2 и β_3 — оценки эффектов соответствующих переменных;
 R_{ij} — необъяснённый остаток на первом уровне;
 β_{oj} — варьирующийся свободный член, отражающий вложенность всех i наблюдений в j индивидов и объясняемый уравнением второго уровня:

$$\beta_{oj} = \delta_{00} + \delta_{01} * Z_j + U_{oj},$$

где δ_{00} — фиксированный свободный член;
 Z_j — предикторы, постоянные для j индивида;
 δ_{01} — оценки эффектов предикторов второго уровня;
 U_{oj} — необъяснённый остаток.

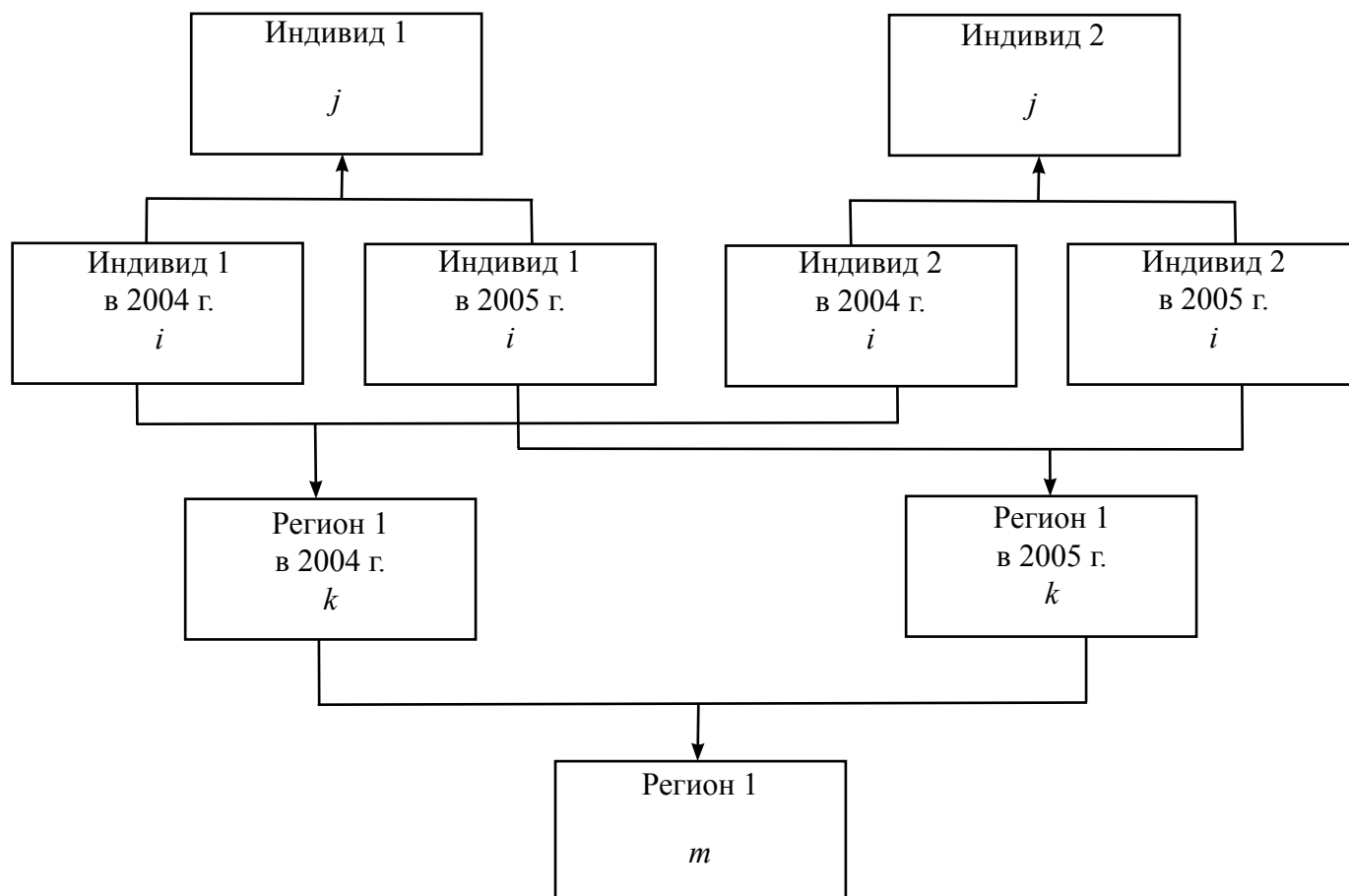

Рис. 4. Кросс-классифицированная структура данных. Два параллельных уровня: Индивид и Регион.

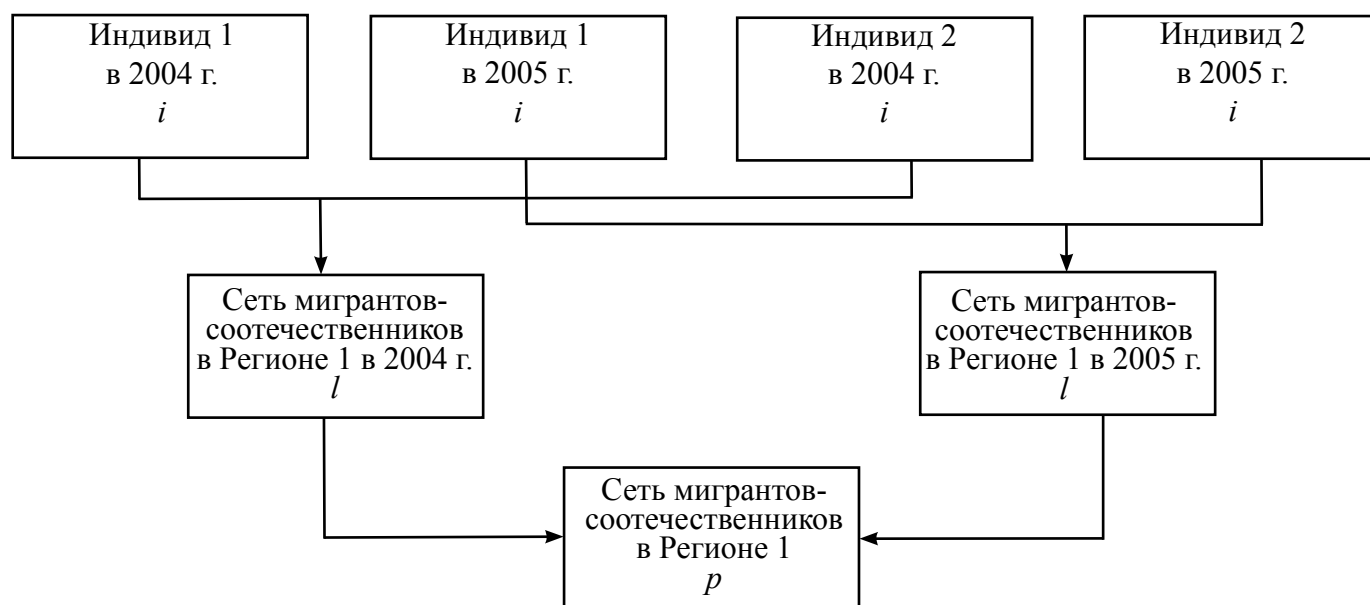

Рис. 5. Кросс-классифицированная структура данных. Третий параллельный уровень — Сеть мигрантов-соотечественников в регионе

Результаты

Модель 1 демонстрирует, что уровень экономического благополучия региона не оказывает статистически значимого воздействия на субъективное благополучие мигранта. В этом смысле *гипотеза 1 (H 1)*, согласно которой в экономически благополучных регионах мигранты более удовлетворены своей жизнью в силу более высоких стандартов труда, трудовых возможностей и оптимизма, не подтвердилась. Куда более значимы социальные факторы. Эффект количества мигрантов в регионе оказывается положительным и статистически значимым ($\beta = 0,01, p < 0,05$), что подтверждает *гипотезу 3a (H 3a)*. Каждый дополнительный мигрант-соотечественник на тысячу населения в регионе увеличивает уровень субъективного благополучия мигранта на 0,01 пункта. Данный эффект сопоставим по силе с эффектами логарифмированного дохода, здоровья и отсутствия работы.

Для проверки *гипотезы 2 (H 2)* в модель 2 была добавлена переменная «Общий уровень доверия в регионе». Поскольку вопрос о доверии задавался не во всех волнах, то выборка для анализа сократилась более чем вдвое (2561 наблюдение, 856 уникальных индивидов). В результате при контроле ВРП и количества мигрантов-соотечественников в регионе, а также индивидуального доверия мигранта к другим уровень доверия в регионе оказался статистически значимо и положительно взаимосвязан с уровнем субъективного благополучия мигранта ($\beta = 0,49, p < 0,05$). Увеличение доверия в регионе на два пункта с ответа «В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным» до «Большинству людей можно доверять» ассоциировано с увеличением уровня благополучия на 1 пункт, то есть в этом случае мигрант, вероятно, ответит, что он «скорее, удовлетворён» своей жизнью, чем «и да, и нет» (и удовлетворён, и нет). Стоит отметить, что статистическая значимость многих переменных, включая количество мигрантов в регионе, в модели 2 пропадает, однако полагаем, что это в первую очередь связано с уменьшением выборки, а не с отсутствием эффекта данных переменных на субъективное благополучие мигрантов.

Таблица 1

Эффект региональных экономических переменных и социального капитала на субъективное благополучие мигрантов

Независимые переменные	Модель 1		Модель 2	
	Удовлетворённость жизнью		Удовлетворённость жизнью	
	Estimates	Std. Beta	Estimates	Std. Beta
Индивидуальный уровень				
Уровень дохода в прожиточных минимумах (логарифмированный)	0,20***	0,11	0,25***	0,13
Трудовой статус:				
Работает	Ref	Ref	Ref	Ref
Неактивный (студент, пенсионер или другое)	0,09	0,04	0,05	0,02
Нет работы	- 0,33***	- 0,08	- 0,33***	- 0,08
Пол:				
Женщина	Ref	Ref	Ref	Ref
Мужчина	- 0,09	- 0,04	- 0,12 *	- 0,05
Субъективная оценка здоровья	0,20***	0,12	0,23***	0,14
Возраст	- 0,01**	- 0,07	- 0,00*	- 0,06
Образование:				
Незаконченное среднее образование или ниже	Ref	Ref	Ref	Ref
Среднее или среднее специальное образование	- 0,02	- 0,01	- 0,02	- 0,01
Высшее образование или выше	0,1	0,04	0,13	0,05
Этническая самоидентификация:				
Этнически русский	Ref	Ref	Ref	Ref
Народность Северного Кавказа	- 0,13	- 0,04	- 0,03	- 0,01
Народность Средней и Южной Азии	0,03	0,01	- 0,04	- 0,01
Другое (немец, украинец и т. п.)	- 0,03	- 0,01	0	0
Количество лет проживания в России	0,01**	0,06	0	0
Доверие			0,08 **	0,05
Социетальный уровень				
ВРП, 100 т.р., в реальных ценах	0,03	0,07	0,02	0,06
Количество соотечественников в регионе (%)	0,01*	0,08	0,01	0,07
Общий уровень доверия в регионе			0,49 *	0,06
<i>N</i> наблюдений	4992		2561	
<i>N</i> уникальных индивидов	1077		856	
<i>N</i> регион-год	422		176	
<i>N</i> регионов	31		31	
<i>N</i> сетей соотечественников-год	1726		828	
<i>N</i> сетей соотечественников	212		200	
Marginal R ² / Conditional R ²	0,066 / 0,462		0,077 / 0,491	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Что касается гипотезы 4 (H 4), то она также подтверждается. В таблице 2 приведены две модели. В модель 3 включена только переменная «Членство страны-исхода в Таможенном союзе». Эффект данной переменной оказывается значимым ($\beta = 0,33$; $p < 0,001$). Чтобы убедиться, что это не результат

сильного отличия данных двух групп, в модели 6 включаются контрольные переменные. В модели 4 эффект включения страны в ТС сохраняет свою статистическую значимость ($\beta = 0,14; p < 0,01$). И мы приходим к выводу, что включение страны в Таможенный союз со всеми сопутствующими последствиями (отмена патентов, признание образования и т. п.) оказывает положительное воздействие на благополучие мигрантов.

Таблица 2

Эффект влияния вхождения страны исхода в Таможенный союз

Независимые переменные	Модель 3 Удовлетворён- ность жизнью Estimates	Модель 4 Удовлетворённость жизнью Estimates
Членство страны-исхода в Таможенном союзе (ТС):		
Не член ТС	Ref	Ref
Член ТС	0,33***	0,14**
Уровень дохода в прожиточных минимумах (логарифмированный)		0,17***
Трудовой статус:		
Работает		Ref
Неактивный (студент, пенсионер или другое)		0,05
Нет работы		- 0,37***
Пол:		
Женщина		Ref
Мужчина		- 0,09
Субъективная оценка здоровья		0,18***
Возраст		- 0,01**
Образование:		
Незаконченное среднее образование или ниже		Ref
Законченное среднее или среднее специальное образование		- 0,01
Законченное высшее образование или выше		0,11
Количество лет проживания в России		0
Этническая самоидентификация:		
Этнически русский		Ref
Народность Северного Кавказа		- 0,36**
Народность Средней и Южной Азии		0,04
Другое (немец, украинец и т. п.)		- 0,05
Фиктивная переменная региона		YES
Фиктивная переменная страны исхода		YES
Фиктивная переменная года		YES
N наблюдений	6616	5692
Marginal R ² / Conditional R ²	0,183 / 0,477	0,240 / 0,501

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Обсуждение

В данной работе мы сосредоточились на социетальных факторах субъективного благополучия мигрантов. Мы проверили, оказывают ли значимое влияние на субъективное благополучие мигранта такие региональные характеристики, как валовой региональный продукт, количество мигрантов-

соотечественников, среднее доверие в регионе, а также факт включения страны исхода мигранта в Таможенный союз.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что экономические характеристики региона не оказывают существенного влияния на субъективное благополучие мигрантов. В этом смысле гипотеза, согласно которой экономическое благополучие региона отражает качество условий труда, широту трудовых возможностей, и поэтому положительно ассоциирована с субъективным благополучием, не подтвердилась (H 1). В то же время результаты демонстрируют, что социальные факторы играют для мигрантов большую роль. Согласно исследованиям, мигранты после приезда в новую страну часто обнаруживают, что доходы оказываются не настолько важными, как доверие, общение, социальные связи и, более широко, социальный капитал [Hendriks, Bartram 2016]. Наши результаты находятся в согласии с данным рассуждением, так как социальные факторы оказываются более важными для субъективного благополучия мигрантов в России.

Количество мигрантов-соотечественников в регионе как прокси-переменная для измерения социального капитала положительно и статистически значимо влияет на субъективное благополучие мигрантов. Данный результат подтверждает предположение о том, что мигранты только выигрывают от использования ресурсов, предоставляемых миграционной сетью (H 3a).

Такое измерение социального капитала, как среднее доверие в регионе, положительно и статистически значимо ассоциировано с субъективным благополучием мигранта. Статистическая значимость среднего доверия сохраняется даже при контроле ВРП, что говорит о том, что эффект доверия не зависит от экономического благополучия региона. Положительный эффект среднего регионального доверия на субъективное благополучие находится в согласии с теорией социального капитала, по которой доверие снижает издержки на социальные интеракции, такие как поиск работы, жилья, проведения совместного досуга и многое другое.

В работе мы также обнаружили статистически значимый эффект включения страны исхода мигранта в ТС. Мигранты из стран ТС освобождаются от необходимости приобретать патент и приравниваются в правах к трудящимся, имеющим гражданство РФ. Вероятно, положительный эффект включения страны в ТС может быть связан прежде всего с уменьшением риска оказаться в положении нелегального мигранта или быть депортированным. Психологическое напряжение и сложности с интеграцией, вытекающие отсюда, снимаются в результате вступления страны исхода мигранта в ТС. Не исключено, что ещё один возможный механизм связан с тем, что статус мигрантов из стран ТС повышается в сравнении с мигрантами из других стран, что может объяснять увеличившееся субъективное благополучие, которое очень чувствительно к социальному сравнению [Fujita 2008]. Те же мигранты, для которых в силу длительности пребывания в России отмена патентной системы не столь важна, могут испытывать повышение субъективного благополучия из-за упрощения системы прибытия соотечественников, включая друзей и родственников. Тем не менее установление конкретного каузального механизма — задача последующих исследований.

Заключение

Настоящее исследование показало, что социальные факторы благополучия мигрантов в Российской Федерации имеют больший вес, чем традиционно рассматриваемые в литературе экономические факторы. Не отрицая значимости экономических факторов, наша работа демонстрирует, что модель человека экономического недостаточна для объяснения субъективного благополучия. Социология как дисциплина может существенно дополнить эту модель.

С этой точки зрения, одна из задач экономической социологии состоит в корректировке модели человека экономического. Социологический анализ может пролить свет как на психологическое состояние, так и на поведение людей в различных контекстах. Данная работа вносит вклад в эту задачу, сосредоточиваясь на сопоставлении материальных и нематериальных факторов субъективного благополучия мигрантов и указывая тем самым на перспективные направления будущих исследований.

Ограничения исследования

Стоит отметить, что при оценке эффекта мигрантов-соотечественников в регионе использовались данные Росстата. Однако известно, что методология подсчёта числа мигрантов была изменена Росстатом в 2011 г., из-за чего данные за разные годы оказались трудно сопоставимыми [Щербакова 2012]. Это могло повлиять на результаты оценки эффекта.

Вывод о влиянии включения страны исхода мигранта в ТС на его субъективное благополучие также имеет свои ограничения. Главное из них состоит в том, что база RLMS-HSE не содержит вопросы о гражданстве или наличии вида на жительство, которые некоторые мигранты могли получить задолго до вступления страны их происхождения в ТС. Одним из способов решения данной проблемы могло бы стать исключение группы индивидов, прибывших на территорию России за несколько лет и больше до создания ТС, однако данное решение уменьшает выборку настолько, что анализ оказывается невозможным. Тем не менее стоит полагать, что факт получения вида на жительство или гражданства не сильно связан с последующим вступлением страны исхода мигранта в ТС, в том смысле, что среди мигрантов, чьи страны вошли в ТС, приблизительно столько же получивших гражданство, сколько среди мигрантов из стран, не вошедших в ТС. Таким образом, влияние мигрантов, получивших гражданство, взаимно компенсируется и не воздействует на валидность результатов. Ещё одно ограничение состоит в том, что некоторые мигранты могли участвовать в программах по возвращению соотечественников. Число таких индивидов в выборке установить не представляется возможным.

Приложение

Описательные статистики

Таблица П.1

Региональные переменные (средние значения)

№ п/п	Регион	Количество наблюдений	ВРП (цены 2017 г.)	Население	Общее доверие (1–3)	Субъективное благополучие
1	Алтайский край	516	189 367,03	2 511 241,00	1,73	2,98
2	Амурская область	20	380 437,11	821 659,64	1,76	2,27
3	Волгоградская область	516	263 577,49	2 642 428,77	1,77	2,21
4	Калужская область	217	280 960,71	1 033 880,77	1,79	2,39
5	Краснодарский край	270	297 071,95	5 240 045,25	1,81	2,95
6	Красноярский край	458	534 915,61	2 922 561,05	1,78	2,71
7	Курганская область	41	194 456,07	944 404,24	1,70	3,35
8	Ленинградская область	257	418 493,45	1 711 627,18	1,53	2,80
9	Липецкая область	129	373 445,43	1 184 202,33	1,59	2,91
10	Москва	620	1 200 328,78	11 274 207,94	1,63	3,20
11	Московская область	674	380 192,67	6 900 009,10	1,64	3,16
12	Нижегородская область	112	323 326,53	3 369 192,53	1,86	3,53
13	Новосибирская область	95	374 094,68	2 701 188,58	1,64	3,50
14	Оренбургская область	286	356 652,98	2 080 149,32	1,74	3,40
15	Пензенская область	12	252 342,39	1 376 425,50	2,25	4,42
16	Пермский край	40	394 945,76	2 712 129,11	1,58	2,57
17	Приморский край	75	406 744,65	1 948 928,91	1,71	2,69
18	Республика Коми	53	654 604,49	913 446,13	1,55	3,77
19	Республика Татарстан (Татарстан)	106	442 138,14	3 795 105,50	1,66	3,45
20	Ростовская область	304	232 378,25	4 341 267,59	1,90	2,98
21	Санкт-Петербург	126	525 918,20	4 880 712,70	1,71	3,22
22	Саратовская область	473	231 649,61	2 595 208,36	1,59	3,05
23	Смоленская область	120	239 764,27	1 031 435,41	1,46	3,52
24	Ставропольский край	250	192 330,70	2 753 132,00	1,66	2,55
25	Тамбовская область	94	229 459,57	1 125 556,47	1,87	3,09
26	Тверская область	209	246 978,41	1 427 412,14	1,52	2,77
27	Томская область	291	442 111,05	1 053 340,27	1,56	3,36
28	Тульская область	105	254 635,48	1 627 711,73	1,68	3,00
29	Удмуртская Республика	22	365 680,51	1 521 012,90	1,71	3,28
30	Челябинская область	113	314 846,50	3 546 735,90	1,69	3,56
31	Чувашская Республика — Чувашия	45	244 559,51	1 245 266,50	1,87	3,06
	Среднее значение	214,48	362 529,29	2 684 891,12	1,71	3,09

Таблица П.2

Дескриптивные характеристики используемых переменных

Переменная	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Min	Max	Примечание
Переменные макроуровня (единица наблюдения: регион-год, сеть-соотечественников-год)						
Общий уровень доверия (в регионе)	206	1,7	0,15	1,34	2,30	Среднее арифметическое ответов на вопрос J206*: Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным? 1 — В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным 2 — И то и другое в зависимости от человека, условий 3 — Большинству людей можно доверять
ВРП (руб./на душу, в ценах 2017 года)	491	3 618 99.6	215 278	1 124 68.1	1 621 477	
Количество мигрантов-соотечественников (на 1000 чел.)	1995	5,91	7,32	- 4,33**	54,85	
Переменные микроуровня (единица наблюдения: индивид-год)						
Удовлетворённость жизнью	6616	3,11	1,14	1	5	Вопрос J65: Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? 1 — совсем не удовлетворены: 633 2 — не очень удовлетворены: 1492 3 — и да, и нет: 156 4 — скорее, удовлетворены: 2374 5 — полностью удовлетворены: 553
Пол	6649	—	—	—	—	Вопрос H5: женский: 3522; мужской: 3127
Возраст	6649	40,71	15,09	18	93	
Образование	6646	—	—	—	—	Вопрос DIPLOM, перекодированный в следующие три категории: незаконченное среднее и ниже: 1041; законченное среднее или среднее специальное образование: 4116; законченное высшее образование и выше: 1489
Доход в прожиточных минимумах, ежемесячный	6255	2.19	2.66	0	95.7	Вопрос J60: Сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили, считая всё: зарплату, пенсии, премии, прибыль, пособия, материальную помощь, случайные заработки и другие денежные поступления? Переменная перекодирована путём деления на прожиточный минимум

Таблица П2. Окончание

Переменная	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Min	Max	Примечание
Субъективная оценка здоровья	6603	3,3	0,68	1	5	Вопрос М3: Как Вы оцениваете Ваше здоровье? Оно у Вас: 1 — совсем плохое: 53; 2 — плохое: 530; 3 — среднее, не хорошее, но и не плохое: 3498; 4 — хорошее: 2396; 5 — очень хорошее: 126
Трудовой статус	6649	—	—	—	—	Вопрос J90: Какой ответ лучше всего описывает Ваше основное занятие в настоящее время? Ответ перекодирован в три категории: есть работа: 4115; неактивный (пенсионер, студент или другое): 2022; безработный: 512
Обобщённое доверие	3328	1,68	0,7	1	3	Вопрос J206: Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным? 1 — в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным: 1498; 2 — и то и другое в зависимости от человека, условий: 1376; 3 — большинству людей можно доверять: 447
Количество лет проживания в России	6155	13,06	6,36	0	26	Вопрос I8: С какого года Вы постоянно живёте в Российской Федерации?
Этническая самоидентификация	6584	—	—	—	—	Вопрос I4: Кем Вы себя считаете по национальности? Ответ перекодирован в четыре категории: этнически русский 4320; народность Северного Кавказа 1066; народность Средней и Южной Азии 306; другая этнически нерусская национальность 892
Статус страны исхода в Таможенном союзе (ТС)	6649	—	—	—	—	Не в ТС: 5025 В ТС: 1624

* Здесь и далее код означает вопрос из кодбука RLMS-HSE.

**Отрицательный знак связан с тем, что данный показатель является суммой прироста (выбытия) мигрантов в регионе, начиная с 1993 г. Соответственно в те года и в тех регионах, в которых совокупный прирост был отрицательным (то есть с 1993 г. мигрантов определённой национальности вышло больше, чем пришло), данный показатель также отрицательный.

Литература

- Абылкаликов С. 2016. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России. *Социологические исследования*. 4: 42–49.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. 2017. Информационное поведение мигрантов из Средней Азии в контексте изменения миграционного законодательства. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 182–195.
- Полякова Е. Ю., Смирных Л. И. 2016. *Положение лиц с иностранным происхождением на российском рынке труда (РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2009–2012)*. Препринт WP15/2016/06. Серия WP15 «Научные труды Лаборатории исследований рынка труда» М.: Изд. дом ВШЭ. URL: https://wp.hse.ru/data/2017/01/26/1113649465/WP15_2016_06___f.pdf
- Усова Н. В. 2012. Структура субъективного благополучия мигрантов, проживающих в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика*. 12 (1): 73–75.
- Щербакова Е. М. 2012. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учёта составил 320 тысяч человек, а по прежним — 107. *Демоскоп Weekly*. 501–502. URL: www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php
- Aguilera M., Massey D. 2003. Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests. *Social Forces*. 82 (2): 671–701.
- Aksel S. et al. 2007. Migration and Psychological Status of Adolescents in Turkey. *Adolescence*. 42 (167): 589–602.
- Balatsky G., Diener E. 1993. Subjective Well-Being among Russian Students. *Social Indicators Research*. 28 (3): 225–243.
- Bartram D. 2013. Happiness and ‘Economic Migration’: A Comparison of Eastern European Migrants and Stayers. *Migration Studies*. 1 (2): 156–175.
- Berry J. W. et al. (eds) 2006. *Immigrant Youth in Cultural Transition: Acculturation, Identity, and Adaptation across National Contexts*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Berry B. J., Okulicz-Kozaryn A. 2011. An Urban-Rural Happiness Gradient. *Urban Geography*. 32 (6): 871–883.
- Clark A. E. 2003. Unemployment as a Social Norm: Psychological Evidence from Panel Data. *Journal of Labor Economics*. 21 (2): 323–351.
- Clark A. E. 2006. A Note on Unhappiness and Unemployment Duration. *Applied Economics Quarterly*. 52 (4): 291–308.
- Clark A. E., Frijters P., Shields M. 2007. Relative Income, Happiness and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*. 46 (1): 95–144.

- Clark A. E., Oswald A. J. 1994. Unhappiness and Unemployment. *The Economic Journal*. 104 (424): 648–659.
- Coleman J. S. 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 94 (Supplement): 95–120.
- De Jong G. F., Chamrathirong A., Tran Q. 2002. For Better, For Worse: Life Satisfaction Consequences of Migration. *The International Migration Review*. 36 (3): 838–863.
- Di Tella R., Haisken-De New J., MacCulloch R. 2010. Happiness Adaptation to Income and to Status in an Individual Panel. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 76 (3): 834–852.
- Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. 2000. Preferences over Inflation and Unemployment: Evidence From Surveys of Happiness. *The American Economic Review*. 91 (1): 335–341.
- Diener E., Suh E., Oishi S. 1997. Recent Findings on Subjective Well-Being. *Indian Journal of Clinical Psychology*. 24 (1): 25–41.
- Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. 2004. How Important is Methodology for the Estimates of the Determinants of Happiness? *The Economic Journal*. 114 (497): 641–659.
- Foa R. S. et al. 2018. Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. 19 (6): 1639–1656.
- Frisbie W., Neidert P., Neidert L. J. 1977. Inequality and the Relative Size of Minority Populations: A Comparative Analysis. *American Journal of Sociology*. 82 (5): 1007–1030.
- Fujita F. 2008. The Frequency of Social Comparison and Its Relation to Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Publications; 393–413.
- Garip F. 2008. Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Divergent Outcomes? *Demography*. 45 (3): 591–617.
- Gamble A., Gärling T. 2011. The Relationships Between Life Satisfaction, Happiness, and Current Mood. *Journal of Happiness Studies*. 13 (1): 31–45.
- Gundelach P., Kreiner S. 2004. Happiness and Life Satisfaction in Advanced European Countries. *Cross-Cultural Research*. 38 (4): 359–386.
- Gureev A. S. et al. 2018. Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*. 54 (5): 562–567.
- Hadjar A., Backes S. 2013. Migration Background and Subjective Well-Being. A Multilevel Analysis Based on the European Social Survey. *Comparative Sociology*. 12 (5): 645–676.
- Harris J. R., Todaro M. P. 1970. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*. 60 (1): 126–142.
- Headey B., Wearing A. 1989. Personality, Life Events, and Subjective Well-Being: Toward a Dynamic Equilibrium Model. *Journal of Personality and Social Psychology*. 57 (4): 731–739.

- Helliwell J. F. 2003. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling*. 20 (2): 331–360.
- Helliwell J. F., Huang H., Wang S. 2016. New Evidence on Trust and Well-being. *NBER Working Paper*. 22450: 1–22.
- Helliwell J. F., Putnam R. D. 2004. The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 359 (1449): 1435–1446.
- Hendriks M. 2015. The Happiness of International Migrants: A Review of Research Findings. *Migration Studies*. 3 (3): 343–369.
- Hendriks M., Bartram D. 2016. Macro-Conditions and Immigrants' Happiness: Is Moving to a Wealthy Country All that Matters? *Social Science Research*. 56: 90–107.
- Hendriks M., Ludwigs K., Veenhoven R. 2016. Why are Locals Happier than Internal Migrants? *Social Indicators Research*. 125 (2): 481–508.
- Ivakhnyuk I. 2009. Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development. Human Development Report Office (HDRO). *Human Development Research Papers*. 2009/14.
- Inglehart R. F. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Judge T., Klinger R. 2008. Job Satisfaction: Subjective Well-Being at Work. In: Eid M., Larsen R. (eds). *The Science of Subjective Well-Being*. New York: Guilford Publications; 393–413.
- Knack S., Keefer P. 1997. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. 112 (4): 1251–1288.
- Koczan Z. 2013. Does Integration Increase Life Satisfaction? *Cambridge Working Papers in Economics*. CWPE. 1314: 1–36.
- Kogan I., Shen J., Siegert M. 2017. What Makes a Satisfied Immigrant? Host-Country Characteristics and Immigrants' Life Satisfaction in Eighteen European Countries. *Journal of Happiness Studies*. 19 (6): 1783–1809.
- Kubal A. 2016. Spiral Effect of the Law: Migrants' Experiences of the State Law in Russia — A Comparative Perspective. *Comparative Socio-Legal Studies*. 12 (4): 453–468.
- Liu Y. et al. 2017. The Subjective Wellbeing of Migrants in Guangzhou, China: The Impacts of the Social and Physical Environment. *Cities*. 60. 333–342.
- Lucas R. E. 2008. Personality and Subjective Well-being. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-being: A Tribute to Ed Diener*. New York: Guilford Publications; 171–195.
- Lucas R. E. et al. 2003. Reexamining Adaptation and the Set Point Model of Happiness: Reactions to Changes in Marital Status. *Journal of Personality and Social Psychology*. 84 (3): 527–539.
- Mitra A. 2010. Migration, Livelihood and Well-being: Evidence from Indian City Slums. *Urban Studies*. 47 (7): 1371–1390.

- Myers D. G. 2008. Religion and Human Flourishing. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-being: A Tribute to Ed Diener*. New York: Guilford Publications; 323–347.
- Munshi K. 2003. Networks in the Modern Economy: Mexican Migrants in the U. S. Labor Market. *The Quarterly Journal of Economics*. 118 (2): 549–599.
- Nannestad P., Svendsen G. L., Svendsen G. T. 2008. Bridge Over Troubled Water? Migration and Social Capital. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 34 (4): 607–631.
- Nowok B. et al. 2013. Does Migration Make You Happy? A Longitudinal Study of Internal Migration and Subjective Well-Being. *Environment & Planning A*. 45 (4): 986–1002.
- Oishi S., Graham J. 2010. Social Ecology: Lost and Found in Psychological Science. *Perspectives on Psychological Science*. 5 (4): 356–377.
- Okun M. A. et al. 1984. Health and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *The International Journal of Aging and Human Development*. 19 (2): 111–132.
- Putnam R. D. 2004. Commentary: ‘Health by Association’: Some Comments. *International Journal of Epidemiology*. 33 (4): 667–671.
- Reitz J. G. 2002. Host Societies and the Reception of Immigrants: Research Themes, Emerging Theories and Methodological Issues. *International Migration Review*. 36 (4): 1005–1019.
- Ryan L. et al. 2008. Social Networks, Social Support and Social Capital. *Sociology*. 42 (4): 672–690.
- Safi M. 2010. Immigrants’ Life Satisfaction in Europe: Between Assimilation and Discrimination. *European Sociological Review*. 26 (2): 159–176.
- Snijders T., Bosker R. J. 1991. *Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Stark O., Bloom D. E. 1985. The New Economics of Labor Migration. *American Economic Review*. 75 (2): 173–178.
- Stimson R. J., Minnery J. 1998. Why People Move to the ‘Sun-Belt’: A Case Study of Long-Distance Migration to the Gold Coast, Australia. *Urban Studies*. 35 (2): 193–214.
- Tay L., Harter J. K. 2013. Economic and Labor Market Forces Matter for Worker Well-Being. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 5 (2): 193–208.
- Tegegne M. A., Glanville J. L. 2019. The Immigrant-Native Gap in Subjective Well-Being in Western European Countries: Assessing the Role of Social Capital. *International Migration Review*. 53 (2): 458–485.
- Tienda M., Lii D. T. 1987. Minority Concentration and Earnings Inequality: Blacks, Hispanics, and Asians Compared. *American Journal of Sociology*. 93 (1): 141–165.
- Tubergen F. van, Maas I., Flap H. 2004. The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*. 69 (5): 701–724.

- United Nations, Department of Economic and Social Affairs. 2016. *International Migration Report 2015*. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2017. *Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>
- Venhoven R. 2008. Sociological Theories of Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-being: A Tribute to Ed Diener*. New York: Guilford Publications; 44–61.
- Verkuyten M. 2008. Life Satisfaction among Ethnic Minorities: The Role of Discrimination and Group Identification. *Social Indicators Research*. 89 (3): 391–404.
- Wagner B. F. 2014. Trust: The Secret to Happiness? Exploring Social Capital and Subjective Well-Being among Immigrants. In: *Annual Meeting of the Population Association of America*, Boston, MA. URL: <http://paa2014.princeton.edu/abstracts/142867>.

NEW TEXTS

Emil Kamalov, Eduard Ponarin

Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation

KAMALOV, Emil — Candidate of Sciences in Philosophy, research assistant at the Laboratory for Comparative Social Research, The National Research University Higher School of Economics; Address: 192171, 55/2 Sedova Street, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: em.kamalov@gmail.com

PONARIN, Eduard — PhD, head of Laboratory for Comparative Social Research; Professor of sociology department, The National Research University Higher School of Economics; 192171, 55/2 Sedova Street, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: eponarin@hse.ru

Abstract

Migration is an important and rapidly growing phenomenon in the modern world. Many countries are facing problems with integration and adaption of migrants to new living conditions. Subjective well-being (SWB) can be considered as an indicator of how successfully migrants are adapted and integrated into the host society. Levels of migrants' SWB are often determined by the same factors as for other people—good health, high salary, employment and youth make them happier. Nonetheless, migrants' decision to migrate is often led by economic motives, which leads them to overvalue economic characteristics of countries and regions of destination and undervalue non-economic factors. This paper aims to estimate the effects of the economic prosperity (measured by gross regional product) and social capital of Russian regions (measured by general social trust and relative size of the community of the migrant's compatriots) on the life satisfaction of migrants. In addition, we analyze possible effect of the inclusion of the migrants' country of origin into Eurasian Customs Union. To answer the proposed questions we employed data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) and statistics provided by Russian Federal State Statistics Service. The main method of analysis is a cross-classified multilevel linear regression modeling. The results show that the economic performance of a region has no effect on the life satisfaction of a migrant.

It appears that social factors play a greater role—the effects of general social trust and the relative size of the community of a migrant's compatriots in a region are positive and statistically significant. We found that inclusion of the country of migrants' origin into the Eurasian Customs Union positively and significantly affects the life satisfaction of migrants. We associate this effect with a decrease in the economic and psychological costs of migration.

Keywords: migration; subjective well-being; subjective well-being of migrants; factors of subjective well-being; life satisfaction; social capital; RLMS-HSE; Russian regions.

Acknowledgements

The article is prepared with support of the Russian Science Foundation grant (RSF No. 18-18-00341) “Value Transformation and Subjective Quality of Life: A Regional Perspective.”

References

- Abylkalikov S. (2016) Urozhentsy stran byvshego SSSR v strukture naseleniya sovremennoy Rossii [Natives of the Former USSR in the Structure of the Population of Modern Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 4, pp. 42–49 (in Russian).
- Aguilera M., Massey D. (2003) Social Capital and the Wages of Mexican Migrants: New Hypotheses and Tests. *Social Forces*, vol. 82, no 2, pp. 671–701.
- Aksel S., Gün Z., Irmak T. Y., Cengelci B. (2007) Migration and Psychological Status of Adolescents in Turkey. *Adolescence*, vol. 42, no 167, pp. 589–602.
- Balatsky G., Diener E. (1993) Subjective Well-Being among Russian Students. *Social Indicators Research*, vol. 28, no 3, pp. 225–243.
- Bartram D. (2013) Happiness and ‘Economic Migration’: A Comparison of Eastern European Migrants and Stayers. *Migration Studies*, vol. 1, no 2, pp. 156–175.
- Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. E. (2006) *Immigrant Youth in Cultural Transition: Acculturation, Identity, and Adaptation across National Contexts*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Berry B. J., Okulicz-Kozaryn A. (2011) An Urban-Rural Happiness Gradient. *Urban Geography*, vol. 32, no 6, pp. 871–883.
- Clark A. E. (2003) Unemployment as a Social Norm: Psychological Evidence from Panel Data. *Journal of Labor Economics*, vol. 21, no 2, pp. 323–351.
- Clark A. E. (2006) A Note on Unhappiness and Unemployment Duration. *Applied Economics Quarterly*, vol. 52, no 4, pp. 291–308.
- Clark A. E., Frijters P., Shields M. (2007) Relative Income, Happiness and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*, vol. 46, no 1, pp. 95–144.
- Clark A. E., Oswald A. J. (1994) Unhappiness and Unemployment. *The Economic Journal*, vol. 104, no 424, pp. 648–659.
- Coleman J. S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*, vol. 94, Supplement, pp. 95–120.
- De Jong G. F., Chamratrithirong A., Tran Q. (2002) For Better, For Worse: Life Satisfaction Consequences of Migration. *The International Migration Review*, vol. 36, no 3, pp. 838–863.
- Di Tella R., Haisken-De New J., MacCulloch R. (2010) Happiness Adaptation to Income and to Status in an Individual Panel. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 76, no 3, pp. 834–852.
- Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. (2000) Preferences over Inflation and Unemployment: Evidence From Surveys of Happiness. *The American Economic Review*, vol. 91, no 1, pp. 335–341.

- Diener E., Suh E., Oishi S. (1997) Recent Findings on Subjective Well-Being. *Indian Journal of Clinical Psychology*, vol. 24, iss. 1, pp. 25–41.
- Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. (2004) How Important is Methodology for the Estimates of the Determinants of Happiness? *The Economic Journal*, vol. 114, no 497, pp. 641–659.
- Foa R. S., Inglehart R., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*, vol. 19, no 6, pp. 1639–1656.
- Frisbie W. Neidert P., Neidert L. J. (1977) Inequality and the Relative Size of Minority Populations: A Comparative Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 5, pp. 1007–1030.
- Fujita F. (2008) The Frequency of Social Comparison and Its Relation to Subjective Well-Being. *The Science of Subjective Well-Being* (eds. M. Eid, R. Larsen), New York: Guilford Publications, pp. 393–413.
- Garip F. (2008) Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Divergent Outcomes? *Demography*, vol. 45, no 3, pp. 591–617.
- Gamble A., Gärling T. (2011) The Relationships Between Life Satisfaction, Happiness, and Current Mood. *Journal of Happiness Studies*, vol. 13, no 1, pp. 31–45.
- Gundelach P., Kreiner S. (2004) Happiness and Life Satisfaction in Advanced European Countries. *Cross-Cultural Research*, vol. 38, no 4, pp. 359–386.
- Gureev A. S., Ananieva E. D., Rubanovich A. V., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Borinskaya S. A. (2018) Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*, vol. 54, no 5, pp. 562–567.
- Hadjar A., Backes S. (2013) Migration Background and Subjective Well-Being. A Multilevel Analysis Based on the European Social Survey. *Comparative Sociology*, vol. 12, no 5, pp. 645–676.
- Harris J. R., Todaro M. P. (1970) Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*, vol. 60, no 1, pp. 126–142.
- Headey B., Wearing A. (1989) Personality, Life Events, and Subjective Well-Being: Toward a Dynamic Equilibrium Model. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no 4, pp. 731–739.
- Helliwell J. F. (2003) How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling*, vol. 20, no 2, pp. 331–360.
- Helliwell J. F., Huang H., Wang S. (2016) New Evidence on Trust and Well-being. *NBER Working Paper*, no 22450, pp. 1–22.
- Helliwell J. F., Putnam R. D. (2004) The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, vol. 359, no 1449, pp. 1435–1446.
- Hendriks M. (2015) The Happiness of International Migrants: A Review of Research Findings. *Migration Studies*, vol. 3, no 3, pp. 343–369.

- Hendriks M., Bartram D. (2016) Macro-Conditions and Immigrants' Happiness: Is Moving to a Wealthy Country All that Matters? *Social Science Research*, vol. 56, pp. 90–107.
- Hendriks M., Ludwigs K., Veenhoven R. (2016) Why are Locals Happier than Internal Migrants? *Social Indicators Research*, vol. 125, no 2, pp. 481–508.
- Ivakhnyuk I. (2009) Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development. Human Development Report Office (HDRO). *Human Development Research Papers*, vol. 2009/14.
- Inglehart R. F. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton: Princeton University Press.
- Judge T., Klinger R. (2008) Job Satisfaction: Subjective Well-Being at Work. *The Science of Subjective Well-Being* (eds. M. Eid, R. Larsen), New York: Guilford Publications, pp. 393–413.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, no 4, pp. 1251–1288.
- Koczan Z. (2013) Does Integration Increase Life Satisfaction? *Cambridge Working Papers in Economics*, no CWPE 1314, Cambridge: University of Cambridge.
- Kogan I., Shen J., Siegert M. (2017) What Makes a Satisfied Immigrant? Host-Country Characteristics and Immigrants' Life Satisfaction in Eighteen European Countries. *Journal of Happiness Studies*, vol. 19, no 6, pp. 1783–1809.
- Kubal A. (2016) Spiral Effect of the Law: Migrants' Experiences of the State Law in Russia — A Comparative Perspective. *Comparative Socio-Legal Studies*, vol. 12, no 4, pp. 453–468.
- Liu Y., Zhang F., Wu F., Liu Ye, Li Z. (2017) The Subjective Well-Being of Migrants in Guangzhou, China: The Impacts of the Social and Physical Environment. *Cities*, vol. 60, pp. 333–342.
- Lucas R. E. (2008) Personality and Subjective Well-Being. *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener* (eds. M. Eid, R. Larsen), New York: Guilford Publications, pp. 171–195.
- Lucas R. E., Clark A. E., Georgellis Y., Diener E. (2003) Reexamining Adaptation and the Set Point Model of Happiness: Reactions to Changes in Marital Status. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 84, no 3, pp. 527–539.
- Mitra A. (2010) Migration, Livelihood and Well-Being: Evidence from Indian City Slums. *Urban Studies*, vol. 47, no 7, pp. 1371–1390.
- Myers D. G. (2008) Religion and Human Flourishing. *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener* (eds. M. Eid, R. Larsen), New York: Guilford Publications, pp. 323–347.
- Munshi K. (2003) Networks in the Modern Economy: Mexican Migrants in the U. S. Labor Market. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 118, no 2, pp. 549–599.
- Nannestad P., Svendsen G. L., Svendsen G. T. (2008) Bridge Over Troubled Water? Migration and Social Capital. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, no 4, pp. 607–631.

- Nowok B., Ham M. van, Findlay A. M., Gayle V. (2013) Does Migration Make You Happy? A Longitudinal Study of Internal Migration and Subjective Well-Being. *Environment & Planning A*, vol. 45, no 4, pp. 986–1002.
- Oishi S., Graham J. (2010) Social Ecology: Lost and Found in Psychological Science. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no 4, pp. 356–377.
- Okun M. A., Stock W. A., Haring M. J., Witter R. A. (1984) Health and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *The International Journal of Aging and Human Development*, vol. 19, no 2, pp. 111–132.
- Poljakova E. Yu., Smirnyh L. I. (2016) *Polozhenie lits s inostrannym proiskhozhdeniem na rossiyskom rynke truda (RMEZ NIU VShE, 2009–2012)* [The Foreign-Born Individuals on the Russian Labor Market (RLMS-HSE, 2009–2012)]. Working Paper WP15/2016/06, Moscow: HSE Publishing House. Available at: https://wp.hse.ru/data/2017/01/26/1113649465/WP15_2016_06____f.pdf (accessed 26 December 2019) (in Russian).
- Putnam R. D. (2004) Commentary: ‘Health by Association’: Some Comments. *International Journal of Epidemiology*, vol. 33, no 4, pp. 667–671.
- Reitz J. G. (2002) Host Societies and the Reception of Immigrants: Research Themes, Emerging Theories and Methodological Issues. *International Migration Review*, vol. 36, no 4, pp. 1005–1019.
- Ryan L., Sales R. A., Tilki M., Siara B. (2008) Social Networks, Social Support and Social Capital. *Sociology*, vol. 42, no 4, pp. 672–690.
- Safi M. (2010) Immigrants’ Life Satisfaction in Europe: Between Assimilation and Discrimination. *European Sociological Review*, vol. 26, no 2, pp. 159–176.
- Shherbakova E. M. (2012) Migratsionnyy prirost naseleniya Rossii za 2011 god po novym pravilam ucheta sostavil 320 tysyach chelovek, a po prezhnim — 107 [The Migration Increase in the Population of Russia in 2011 under the New Accounting Rules Amounted to 320 Thousand People, and According to the Former — 107]. *Demoscope Weekly* (Electronic Journal). Available at: www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php (accessed 15 March 2019) (in Russian).
- Snijders T., Bosker R. J. (1991) *Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Stark O., Bloom D. E. (1985) The New Economics of Labor Migration. *American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178.
- Stimson R. J., Minnery J. (1998) Why People Move to the ‘Sun-Belt’: A Case Study of Long-Distance Migration to the Gold Coast, Australia. *Urban Studies*, vol. 35, no 2, pp. 193–214.
- Tay L., Harter J. K. (2013) Economic and Labor Market Forces Matter for Worker Well-Being. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, vol. 5, no 2, pp. 193–208.
- Tegegne M. A., Glanville J. L. (2019) The Immigrant-Native Gap in Subjective Well-Being in Western European Countries: Assessing the Role of Social Capital. *International Migration Review*, vol. 53, no 2, pp. 458–485.

- Tienda M., Lii D. T. (1987) Minority Concentration and Earnings Inequality: Blacks, Hispanics, and Asians Compared. *American Journal of Sociology*, vol. 93, no 1, pp. 141–165.
- Tubergen F. van, Maas I., Flap H. (2004) The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*, vol. 69, no 5, pp. 701–724.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2016) *International Migration Report 2015*. New York: United Nations. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (accessed 31 December 2019).
- United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017) *Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (accessed 31 December 2019).
- Usova N. V. (2012) Struktura sub'ektivnogo blagopoluchiya migrantov, prozhivayushchikh v Rossii [The Structure of the Subjective Well-Being of Migrants Living in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filosophiya. Psikhologiya. Pedagogika"* = *Izvestiya of Saratov University*. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, vol. 12, no 1, pp. 73–75 (in Russian).
- Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. (2017) Informatsionnoe povedenie migrantov iz Sredney Azii v kontekste izmeneniya migratsionnogo zakonodatel'stva [Informational Behavior of Migrants from Central Asia in the Context of Changes in Migration Legislation]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no 1, pp. 182–195 (in Russian).
- Venhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-being. *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener* (eds. M. Eid, R. Larsen), New York: Guilford Publications, pp. 44–61.
- Verkuyten M. (2008) Life Satisfaction Among Ethnic Minorities: The Role of Discrimination and Group Identification. *Social Indicators Research*, vol. 89, no 3, pp. 391–404.
- Wagner B. F. (2014) Trust: The Secret to Happiness? Exploring Social Capital and Subjective Well-Being among Immigrants. *Annual Meeting of the Population Association of America*, Boston, MA. Available at: <http://paa2014.princeton.edu/papers/142867> (accessed 31 December 2019).

Received: March 16, 2019

Citation: Kamalov E., Ponarin E. (2020) Subektivnoe blagopoluchie migrantov v Rossii: vliyanie regional'nykh kharakteristik i migratsionnogo zakonodatel'stva [Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 11–43. doi: 10.17323/1726-3247-2020-1-11-43 (in Russian).